

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

18+

НЕ ВЕРЬ НИКОМУ

Книга-загадка, книга-бестселлер

Джеймс Роллинс

Не верь никому

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Не верь никому / Д. Роллинс — «Эксмо», 2026 — (Книга-загадка, книга-бестселлер)

ISBN 978-5-04-249687-5

Долгожданный внесерийный роман автора. Триллер в стиле Дэна Брауна. Знание — это великое благо. До тех пор пока оно не попадет в плохие руки... Расследование жуткого убийства профессора Эксетерского университета приводит к поразительному выводу: преступники — его собственные студенты, изучающие историю колдовства и спиритизма. В частности, улики указывают на американку Шерин Карр. Перед смертью профессор сунул ей в руки старинный манускрипт — зашифрованный рукописный дневник знаменитого оккультиста графа де Сен-Жермена. Он умолял ее сохранить этот текст, предостерегая: «Не верьте никому». Но Шерин не обойтись без помощи друзей. Каждый из них силен в своем аспекте знаний, и вместе они создают отчаянную команду хранителей... О том, что эти студенты невиновны, знают только они сами. Преследуемые правоохранительными органами и могущественной организацией под названием «Братство», друзья вынуждены бежать. В смертельно опасной погоне по Европе — от лондонского Тауэра до парижских замков и крепости в итальянских Альпах — Шерин должна разгадать истинную тайну, скрытую в тексте Сен-Жермена. Тайну, которая отправит ее и остальных сквозь историю — и к одной из величайших загадок мира, сокрытой у самых корней западной цивилизации. Ее открытие может навсегда изменить человечество. Дело за малым: для начала постараться остаться в живых... Джеймс Роллинс — самый продаваемый автор приключенческих триллеров, создатель многочисленных бестселлеров №1 по версии «New York Times», разошедшихся по всему миру тиражом 20 миллионов экземпляров и переведенных на 40 языков. «Роллинс — это то, что получается, если поместить Дэна Брауна и Майкла Крайтона в адронный коллайдер». — New York Times «Роллинс — безусловный лидер в том жанре художественной литературы, где сюжет строится на современном

научном поиске тайных истин в останках погибших цивилизаций». — Wall Street Journal «Такие романы никто не пишет лучше Роллинса». — Ли Чайлд

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249687-5

© Роллинс Д., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Исторический факт	7
Современный факт	9
Часть I	15
1	15
2	21
3	24
4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Роллинс

Не верь никому

James Rollins

Trust No One

© 2026 by James Czajkowski

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

© Перевод с англ. яз., Самуйлов С.Н., 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Доктору Мими Сато-Ре с благодарностью за преданность,
дружбу и сочувствие*

#####

#####

*Тот мощи достигнет, кто знанья достиг; От знанья душой
молодеет старик¹.*

***Персидский бейт² из эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме» («Книга
царей»), написанной в X веке н. э.³***

*Малое знание – опасная вещь, впрочем, как и большое.
Зачастую ошибочно приписывают Альберту Эйнштейну, что, вот
в чем ирония, лишь подтверждает правоту этой мысли⁴*

---

¹ Пер. Цецилии Бану.

² Двустигшие.

³ На самом деле, согласно научному консенсусу, поэма была завершена уже в XI в.

⁴ Автор, видимо, считает, что ключевой идеей теории относительности Эйнштейна является то, что «все относительно», хотя сам ученый неоднократно подвергал критике такой взгляд и сожалел, что выбрал неудачное название.

Исторический факт

Канву истории ткут как проходимцы, так и те, кто чист сердцем. И различить их порой невозможно. Эта история рассказывает об одном таком историческом персонаже: алхимике XVIII века, ставшем известным как граф Сен-Жермен.

Этот загадочный человек говорил на дюжине языков и был искусным живописцем, скрипачом и ученым. Он быстро завоевал уважение европейской знати. Упоминания о встречах с ним можно найти в трудах Вольтера, Моцарта, Казановы и на страницах десятков мемуаров. Ноты написанных им музыкальных произведений находятся в Британском музее. И тем

не менее все это имеет лишь косвенное отношение к окружающему эту историческую фигуру ореолу тайны и чуда. Говорили, что он умеет убирать дефекты в алмазах и других драгоценных камнях и общаться с духами, а сообщения о том, что его видели в разных местах, появлялись еще долго после его предполагаемой смерти. Утверждения, предположения и истории, собранные в этой книге – сколь бы невероятными они ни казались, – основаны на зафиксированных свидетельствах. Вольтер сказал о Сен-Жермене так: «Он – человек, который не умирает и который знает все».

Современный факт

В XVII веке последние казни ведьм в Англии состоялись в городе Эксетер. Сегодня ситуация иная. По состоянию на сентябрь 2024 года Эксетерский университет предлагает программу последипломного образования в области магии и оккультных наук. Учебный план не предполагает манипуляций с волшебной палочкой или наложения заклинаний, предусматривает серьезное академическое изучение истории, практик и верований, отделяющих наш мир от сокрытых потусторонних сфер.

И все же многие считают эту область знаний опасной. И не только по религиозным причинам. Как полагают некоторые, исследование определенных знаний есть занятие слишком опрометчивое и рискованное, особенно для неподготовленных.

[Далее следует дневниковая запись из «Воспоминаний о Марии-Антуанетте» графини Габриэль Полины д'Адемар.]⁵

12 февраля 1820 года от Рождества Христова

Замок Эвекмон, близ Мелана-ан-Ивелин

Я только завершила свой вечерний туалет, готовясь ко сну, когда по моему загородному имению разнесся громкий, отчаянный стук. Мое уже далеко не юное сердце заколотилось от тревоги. Визит в столь поздний час мог сулить только дурное – тем более учитывая личность прибывшего.

– Он ожидает вас в семейной часовне, – сообщила моя горничная, низко кланяясь, словно извиняясь за беспокойство.

– Спасибо, моя дорогая. Скажи месье Сен-Жермену, что я присоединюсь к нему вскоре.

Когда горничная удалилась с этим сообщением, я подошла к письменному столу в своем будуаре и достала дневниковые записи, что вела в 1780 году. Найти нужную не составило труда – ведь и теперь, четыре десятилетия спустя, запечатленный в ней момент не давал мне покоя. Он был свидетельством неисполнения мною долга придворной дамы, фрейлины королевы Марии-Антуанетты.

Я еще раз перечитала написанное тогда:

«Кто этот странный человек, граф де Сен-Жермен? Мне лишь известно, что он появился при французском дворе в 1743 году, задолго до моего поступления на службу к королеве. Благодаря бриллиантам и рубинам, украшавшим его пальцы и одежду, все полагали, что граф – обладатель большого состояния. Но откуда же он взялся? Никто не мог сказать наверняка».

И до сих пор его происхождение остается загадкой.

---

⁵ Опубликованные в 1836 г. под полным названием «Воспоминания о Марии-Антуанетте, эрцгерцогине Австрийской, королеве Франции, и о версальском дворе, госпожи графини д'Адемар, придворной дамы». Графиня д'Адемар делала записи в своем дневнике ежедневно с 1760 по 1821 г.; на основе этого дневника после ее смерти и были составлены эти «Воспоминания». – *Прим. авт.*

Вскоре после прибытия в Версаль граф стал любимцем двора – и сущим наказанием для меня. Я боялась, что и этот визит не сулит ничего хорошего. Все началось сорок лет назад, когда одним воскресным утром он нагрянул в мой парижский дом с предупреждением о разорениях и смерти.

Чтобы вернуться в то утро, нужно было лишь перечитать то, что я записала тогда, в 1780 году.

Я сделала это сейчас – и воспоминания вернулись.

В то воскресное утро я очень спешила, опаздывая к службе, и была совсем не рада незваному гостю. Моя тогдашняя камеристка – ныне покойная – объявила посетителя, и, к величайшему моему изумлению, им оказался граф де Сен-Жермен. Он не появлялся при дворе четыре года, и к тому времени многие уже считали его умершим. И вот этот человек у меня на пороге, незванный и нежеланный, путешествующий под чужим именем – так требовала тайна, которую он нес с собой. . .

Граф пришел с предостережением для короля и королевы, передать которое хотел не лично, а через меня. Будучи фрейлиной, я имела доступ к королеве, а через нее и к самому королю.

Я записала его предостережение в дневник.

«Король Франции должен действовать! – сказал он с уверенностью. – В стране зреет заговор с целью свержения правительства. Заговорщики злоумышляют против королевской семьи, а также духовенства и знати. Пока еще есть время сорвать их планы, но скоро это станет невозможно».

Я спросила, как он вообще мог узнать о столь гнусном плане, притом что отсутствовал все эти четыре года. Его ответ был столь же загадочен:

«Многое я услышал собственными ушами, иные же подробности пришли через откровение, кое я обязан хранить в тайне».

Не пожелав сообщить более, он настаивал, чтобы я передала это предостережение. На мой вопрос, почему он не делает это сам, граф ответил словами, в правдивости которых у меня не было оснований сомневаться. Сен-Жермен впал в немилость у государственного министра, маркиза де Морепа, завидовавшего графу из-за благосклонности к последнему самого короля. Скорее всего, Морепа отверг бы любое предупреждение, исходящее от графа.

«Вы должны поговорить с королевой от моего имени, – настаивал Сен-Жермен, – напомнить ей о тех услугах правительству, оказать которые было для меня величайшей честью. Если Ее Величество соизволит принять меня, я открою все, что знаю. Если она сочтет мое предупреждение обоснованным, то сможет похотатайствовать, чтобы меня привели к королю без посредничества маркиза де Морепа. На этом условии я вынужден настоять».

И хотя я согласилась и поступила в точности так, как того хотел граф, все оказалось тщетным. Сен-Жермен, получив аудиенцию у королевы, во всех подробностях рассказал ей о готовящемся заговоре. Мария-Антуанетта прислушалась к его предупреждению, но коварный маркиз де Морепа успел вмешаться в ход дел. В течение дня был отдан приказ разыскать Сен-Жермена и заточить его в Бастилию, но граф, ведомый той сверхъестественной пронизательностью, что была всегда свойственна ему, исчез.

Тем не менее он и последующие годы продолжал посредством тайных посланий предупреждать королеву о Революции, предвосхищая ее ужасные последствия. И все сбылось!

Мне следовало – и в этом я признаю свою вину – поддержать графа с большей готовностью и рвением, но я этого не сделала. В конце концов, как он и предсказывал, пришло время

Террора со всеми его кровопролитиями и смертоубийствами. Правительство было низвергнуто, а моя дорогая Антуанетта лишилась головы.

Я выжила лишь благодаря еще одному визиту графа незадолго до конца. Он встретился со мной тайно в церкви Реколье. Его слова преследуют меня до сих пор:

«Увы, я оказался Кассандрой; мои предостережения попали в глухие уши. Но внимайте же мне теперь, мой дорогой друг. Удалитесь от дел. Будьте осмотрительны, и вы переживете грядущую бурю».

Я так и поступила, но прежде все же спросила о его собственном будущем и о том, увидимся ли мы снова. Он дал мне обещание – или, быть может, наслал проклятие:

«Мы встретимся еще пять раз. Шестой встрече не бывать».

И это его предсказание тоже сбылось. В последующие десятилетия он действительно навещал меня – уже четыре раза, – и всегда к неопишуемому моему изумлению. Последняя встреча случилась семь лет назад. К тому времени я уже считала его умершим.

И вот он является вновь, когда мне восемьдесят пять. В зеркале над бюро я вижу морщины, редкую седину в волосах. Мое сердце – трепыхающаяся перепелка в клетке. Сомнений нет – это будет моя пятая и последняя встреча с загадочным графом, как он и предрекал.

«Но что ему нужно от меня теперь?» – спросила я, глядя на свое отражение в зеркале.

Понимая, что узнаю ответ только в фамильной часовне, я накинула на плечи вечерний плед, взяла трость и направилась вниз по лестнице, мимо потемневших от времени картин. Я пересекла зал по мраморному полу и прошла по коридору к часовенке, служившей моей семье на протяжении уже трех поколений.

В камине горел огонь. Свет и тепло манили меня. Моя горничная ждала у порога и уже хотела оповестить гостя, но я жестом показала, что она может быть свободна. Стук трости по плитам уже предупредил его.

И все же, проходя мимо, я заметила бледность на ее лице. Причина открылась тотчас же – ночной гость прибыл целым, но не вполне невредимым. Граф стоял у камина, силуэтом вырисовываясь на фоне пламени, озарявшего его, казалось, inferнальным светом. Когда я приблизилась, он обернулся, открыв окровавленное и избитое лицо. Его правая рука покоилась в перевязи, плечо охватывала окровавленная повязка. Граф поспешил мне навстречу.

Я позволила ему взять мою руку, и он с величайшей учтивостью поднес ее к своим губам. Ошеломленная его видом, я не возражала. Но не его раны поразили меня, а, скорее, физический облик. Граф почти не изменился с нашей последней встречи семь лет назад, и тогда он выглядел так же, как и десятилетия назад, когда мы только познакомились. Даже сейчас ему было на вид лет сорок пять или пятьдесят – то же гладкое, без морщин лицо, те же не тронутые сединой черные волосы. Раненый, он тем не менее сохранил в движениях легкость и изящество. Его улыбка явила знакомую ямочку на подбородке и крепкие, безукоризненно белые зубы. Но более всего смущали его голубые глаза – мягкие и пронизательные, казалось, способные видеть вас насквозь.

– Мадам, приношу свои извинения за позднее вторжение, но мое дело не терпит отлагательства.

Я наконец обрела дар речи:

– Сон это или явь?

– Боюсь, не сон, а скорее кошмар я принес к вашему порогу.

– Кошмар, говорите? И в этом объяснение вашего состояния, милостивый сударь?

– Ах да. На меня вновь спустили псов – тех, что до сих пор повинуются человеку, давно сошедшему в могилу, но заключившему гнусную сделку с людьми, по-прежнему охотящимися за тем, что я скрываю. Вот почему я пришел к вам с настоятельной просьбой. В последний раз, мой дорогой друг, я должен просить вас о помощи.

– Помощи в чем?

– В простом, но чрезвычайно важном деле.

Я вздохнула.

– Время позднее, месье. Прошу, говорите прямо, что вам нужно.

Граф извлек из-под плаща книгу в потертом кожаном переплете с вытисненным на обложке золотым символом и протянул ее мне.

– Я помню ваше пристрастие к письменному слову, – сказал он. – Ваша известность как мемуариста общепризнана. Поэтому я прошу вас принять мой собственный труд, мой дневник, и сохранить его в вашей библиотеке.

– Но почему?

Он дотронулся до раненого плеча.

– В ближайшее время мне предстоит путешествие за границу, и там, куда я направляюсь, мне вряд ли удастся сохранить в безопасности этот том и тайны, запечатленные в нем.

Должна признаться, любопытство побудило меня взять дневник. Я рассмотрела тисненый золотом символ – восемь лучей, расходящихся к странному, непонятным знакам.

Ничего подобного я прежде не видела, но знала, что Сен-Жермен состоит во многих тайных обществах, включая розенкрейцеров и масонов. Однако символа, подобного изображенному здесь, мне встречать не доводилось.

– Плод моего воображения, – объяснил граф, заметив мое внимание к странному символу. – Читайте это авторской подписью. – Он попытался смягчить свои слова улыбкой, но ее погасили его следующие, произнесенные шепотом слова: – Или, может быть, защитой от тех, кто ищет дневник и не намерен отступать... Поскольку эта книга хранит ключ к богатствам и опасностям, превосходящим самое изощренное воображение.

Я взглянула на него, вспомнив, что происхождение как самого графа, так и его очевидного состояния остаются загадкой. Но он ясно дал понять, что дальнейшие расспросы неуместны.

Однако же символ был не единственной особенностью этого фолианта. Две медные полоски, охватывавшие книгу, надежно запирали ее страницы. Замок располагался сбоку – квадратная жестяная коробочка размером с табакерку, но без видимой замочной скважины. Зато в нее была вставлена небольшая кристаллическая сфера, которая поворачивалась под моим пальцем. На ней были выгравированы надписи, но мои глаза, затуманенные возрастом, не могли их разобрать.

– Осторожно, – предупредил Сен-Жермен. – Страницы дневника пропитаны горючим эликсиром, алхимический состав которого я узнал во время странствий по Аравии. Неправильное обращение с книгой или попытка взлома замка или полосок вызовет воспламенение.

Я убрала палец с зажигательного замка.

– Не опасно ли хранить такой фолиант в библиотеке, где мои книги могут стать сухим трутом в случае возгорания замка?

Он успокоительно улыбнулся:

– Опасности нет, если книгу не трогать. Обещаю вам это.

Все же я колебалась, и моя нерешительность не укрылась от графа.

– Дорогая мадам, мы повидали немало бедствий и сделали все возможное, чтобы их предотвратить, но теперь вам вновь представляется возможность избежать катастрофы куда большего масштаба – не только здесь, во Франции, но и по всей Европе, и за ее пределами.

– Сохранив этот фолиант в безопасности?

Он промолчал, но я прочла ответ в его пронизательных глазах.

– Хорошо. Я сохраню его. Но у меня есть еще один, последний вопрос.

Граф опустил взгляд, как будто уже знал, о чем я спрошу.

– Это ваш *пятый* визит ко мне, – напомнила я. – Ранее вы утверждали, что шестого не будет. И все же оставляете мне на хранение свой дневник... Так кто же тогда заберет его, если я больше вас не увижу?

Я думала поставить его в тупик, заставить опровергнуть прежнее заявление. Но вместо этого он поднял глаза, полные такой скорби, что у меня сжалось сердце.

– Я должен исчезнуть, и эта книга тоже. Когда мы оба, я и она, появимся в следующий раз, для мира наступит время великих испытаний. Я не могу сказать, что произойдет, и знаю лишь, что даже тогда книга не должна попасть в плохие руки.

Все это звучало какой-то нелепицей. Но и его предсказания бедствий и хаоса за годы до Революции тоже казались нелепыми. Так что я согласилась принять на себя это бремя. Кроме того, как он и утверждал, все выглядело действительно просто.

Обменявшись обещаниями, мы вновь стали прощаться – уже определенно в последний раз. Я вышла, чтобы отдать горничной распоряжения касательно отъезда графа, но, когда вернулась в часовню, его там уже не было. Никто из опрошенной прислуги не видел, как он ушел. Мой поздний гость просто исчез, словно его и не было. Лишь фолиант в моих руках да три капли крови, просочившиеся из-под повязки, свидетельствовали о его недавнем присутствии.

Я стояла в часовне перед камином, пока в доме не стихли последние звуки уходящего дня. Стояла в раздумье – не бросить ли окованную медью книгу в огонь и покончить со всем этим. Но однажды я уже подвела графа, и моя дорогая королева погибла. . .

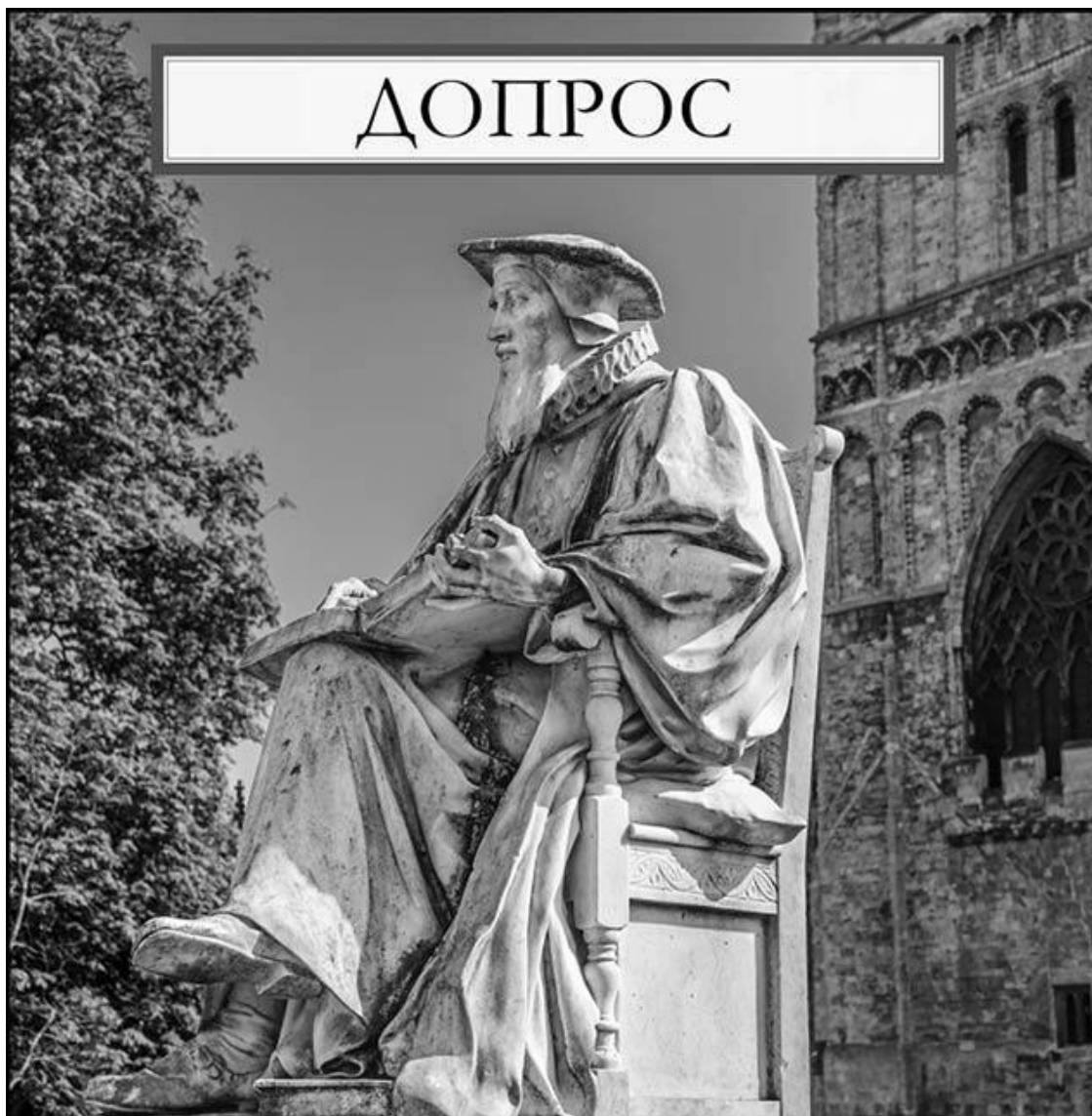
Помня об этом, я прижала книгу к груди и повернулась спиной к огню. Но не сразу смогла отвести взгляд от трех алых капель на мраморной плите. Я чувствовала: прежде чем вся эта история придет к концу, кровь прольется еще не раз.

Однако увидеть, как это случится, мне было уже не суждено. Как и было предсказано, та моя встреча с Сен-Жерменом стала последней⁶.

---

⁶ Графиня Габриэль Полина д'Адемар скончалась 19 марта 1822 года – через два года после описанных событий. Ее «Воспоминания», включающие это повествование, были опубликованы лишь четырнадцать лет спустя. Судьба ее библиотеки – и того, что было в ней сокрыто, – остается тайной и по сей день. – *Прим. авт.*

Часть I

1

28 октября, 10:33 по Гринвичу

Эксетер, графство Девон, Англия

Шерин Карр не была ведьмой – вопреки тому, что могли думать о ней и ее однокурсниках местные жители. Даже ее мать в Талсе, будучи глубоко набожной католичкой, практически отреклась от дочери, узнав, что та умчалась по ту сторону Атлантики, чтобы получить ученую степень по колдовству в Эксетерском университете.

«Ничего, в конце концов переживет», – в который уже раз повторила себе Шерин.

Уж что-что, а сегодняшнюю утреннюю вылазку в город ее мать точно не одобрила бы. Да и сама Шерин не видела особого смысла в этом паломничестве. Она только что вернулась с двухмильной пробежки и планировала взяться наконец за работу над статьей, но два ее соседа по квартире настояли, чтобы она составила им компанию. День выдался солнечный – едва ли не впервые за последний месяц, – и им, похоже, просто хотелось вырваться из трехком-

натной квартиры, которую они делили между собой. Они уговаривали, упрашивали и откровенно давили на нее, придумывая неубедительные причины в оправдание этой утренней экскурсии: некий академический интерес и долг уважения к прошлому. Решающим аргументом стало соблазнительное обещание лучшего в городе кофе с пончиками – последние были ее особой слабостью.

«Какого черта, – сказала она себе, – я ведь пробежала целых две мили».

Прокатившись на автобусе и прогулявшись по свежему осеннему воздуху, они вышли к назначенной цели: сторожевой башне замка Ружмон. От старого нормандского укрепления, построенного Вильгельмом Завоевателем в XI веке, остался только арочный проем, сложенный из грубо отесанных красных камней, добытых в местных холмах. Шерин пришлось задрать голову, чтобы оценить внушительную высоту постепенно разрушающейся конструкции, – казалось, строение вот-вот обрушится и погребет ее под своими руинами. Занимающие проем современные черные железные ворота стояли нараспашку, предлагая свободный проход во двор, где шла подготовка к музыкальному фестивалю.

Шерин и ее спутники пришли сюда не для того, чтобы поучаствовать в празднествах. Хотя одна из них с явной завистью поглядывала на три сцены, поспешно возводимые техническими бригадами.

– Была я здесь несколько лет назад на концерте «Колдплей», – сказала Наоми. – В пору моей бурной юности. Сбежала из дома с компанией друзей накануне выпускных экзаменов. Предполагалось, что буду готовиться, но я сходила с ума по их бас-гитаристу, так что удержать меня было невозможно.

– Тем не менее во вред это тебе не пошло, – заметил Тэг, с трудом поспевая за девушками и тяжело опираясь на трость. – Экзамены сдала блестяще, разве нет? Поступила в Оксфорд с полным финансовым пакетом. Окончила с двумя магистерскими степенями – по археологии и антропологии...

Наоми пожала плечами.

– Но только в двадцать один. А укротила бы бунтарский нрав, глядишь, и окончила бы на год или два раньше.

В ее словах не прозвучало и намека на тщеславие – лишь спокойная, сухая констатация факта. Валлийка, выросшая в родном Уэльсе, Наоми Рен была не только самой младшей в их учебной группе в Эксетере, но и самой юной студенткой из всех когда-либо зачисленных в эту университетскую программу. Уже через несколько месяцев после начала первого семестра она доказала, что обладает почти фотографической памятью и удивительной способностью интегрировать разные дисциплины. Ее ум отличался как остротой, так и гибкостью. При этом те, кто видел в первую очередь ярко-малиновые волосы и соблазнительные формы, зачастую и не подозревали о том, какой блестящий интеллект скрывается за лучистыми глазами цвета лесной зелени. Еще более ошеломляющий эффект производили кажущиеся бесконечными ноги, обтянутые в данный момент джинсами. Наброшенную на плечи винтажную джинсовую куртку украшал вышитый боевой штандарт ее родины: бело-зеленое поле со стоящим на одной ноге алым драконом.

В тени блестящей Наоми Шерин невольно ощущала себя ущербной, хотя соседка никогда не пыталась принизить ее или показать свое превосходство. Тем не менее степень бакалавра в библиотечном деле Университета Оклахомы с дополнительной специализацией по истории искусства выглядела бледно в сравнении с достижениями Наоми. Шерин тоже получала стипендию на бакалавриате – правда, в ее случае за успехи не на академическом поприще, а в легкой атлетике. И все же ей было чем гордиться: ее команда «Бродяги» стала первой в национальном чемпионате.

Притом что Шерин продолжала поддерживать форму, выглядела она типичным библиотечкарем: светлые волосы собраны в аккуратный хвостик, очки в темной оправе (они прихо-

дили на смену контактными линзами, когда глаза уставали от перенапряжения, что случалось довольно часто), фигура, стройная и спортивная, но лишенная тех рискованных изгибов и опасных выпуклостей, которыми отличалась Наоми.

– Вот оно! – провозгласил Тэг, указывая тростью и припадая при этом на ногу.

Шерин машинально поддержала молодого человека, взяв его под локоть, но он резко отстранился.

– Сам справлюсь, – проворчал Тэг, отвергая помощь и ясно давая понять, что не желает, чтобы с ним нянчились. Он отбросил упавшую на лоб прядь волос, таких же огненно-рыжих, как и аккуратно подстриженная борода. Бледные щеки вспыхнули румянцем. Тэг опустил трость и отошел.

Шерин пробормотала извинение. Ее жест помощи был инстинктивным, рефлекторным, частью ее натуры, сформировавшейся за годы жизни рядом с непредсказуемым отцом-алкоголиком, – по крайней мере, так она стала это понимать в результате посещения собраний анонимных алкоголиков, где и узнала, что созависимость может принимать разные формы.

В случае с Тэгом Макнайтом, спохватившись, поняла Шерин, ее копинг-механизм мог быть ошибочно истолкован как снисхождение. Тэг вырос на окраине Эдинбурга, и в четыре года ему поставили диагноз «детский церебральный паралич», но он решил доказать миру, что не смиритсЯ с ограничениями, накладываемыми его телом. Тэг уже получил степень магистра по биохимии и поступил в Эксетер, чтобы изучать средневековую фармакологию – в частности, древние лекарственные травы.

Двинувшись к стене слева от сторожевой башни, он снова указал на что-то тростью и, слегка запыхавшись от усилия, объявил:

– Мы на месте.

Шерин последовала за ним в тень арки, где к грубому красному камню была прикреплена мемориальная доска. Заглавная часть гласила: *Девонские ведьмы*.

Наоми подошла ближе.

– Дайте-ка мне подготовиться.

Шерин и Тэг отступили, чтобы не мешать ей выдвинуть телескопический селфи-стик на всю длину.

Помимо заявленной общей цели данной экскурсии – почтить память подвергшихся преследованиям женщин, – у Наоми была еще одна: увековечить этот визит в «ТикТок», а точнее, в его разделе, известном как «УитчТок» – нишевом сообществе с миллиардами просмотров, посвященном всем аспектам колдовства и магии: от травяных рецептов до чтения Таро, а также повседневной жизни виккан и их практикам.

Наоми собрала большую аудиторию, делясь своим интересом к этой теме с научной и образовательной точек зрения, рассказывая о своих переживаниях, причинах приезда в Эксетер, а также документируя учебу и жизнь в кампусе.

Подготовившись, она тряхнула волосами и повернулась к Тэгу, доверяя – и не без оснований – его мнению больше, чем мнению Шерин.

– Как я выгляжу?

– Виктория Бекхэм нервно кусает губы в уголке.

Наоми поблагодарила его, коснувшись руки:

– Отсылка очень устарела, но комплимент принят.

Она откашлялась и начала запись. Стоя перед мемориальной доской, провела пальцем по выгравированным именам женщин:

– Перед вами мемориальная доска, установленная в память о последних четырех женщинах, повешенных в Великобритании за ведовство. Темперанс Ллойд, Сюзанна Эдвардс, Мэри Трэмблз и Элис Молланд. Их предали суду, признали виновными и казнили через повешение в Хэвитри. Их останки были погребены без священника. Где, спросите вы? – Драматическим жестом Наоми указала пальцем вниз. – Предположительно, прямо здесь, в Эксетере, там,

где сейчас автостоянка кампуса университета Святого Луки. Я надеюсь найти подтверждения этому в течение следующего года. Так что присоединяйтесь ко мне! Жмите кнопку «Подписаться», и давайте копать в этом вместе!

Она остановила запись и вздохнула.

– Пожалуй, сойдет. Вернемся в квартиру – добавлю субтитры и музыку.

Шерин с сомнением посмотрела на доску:

– Так это все правда? Насчет тех женщин...

– Ты имеешь в виду ведьм, – поправил ее Тэг, постучав тростью по доске.

Шерин нахмурилась:

– Женщин, которые, конечно же, были невиновны в приписанных им преступлениях.

– А вот и нет: все четверо признались, что являются ведьмами.

– Нисколько не сомневаюсь. Признались под давлением. Это называется «принудительное признание».

Тэг пожал плечами:

– Источники говорят другое. Темперанс Ллойд обвиняли в том, что она навела порчу, от которой заболел местный лавочник. Другие выступили с аналогичными обвинениями, а также с ужасными рассказами об общении с дьяволом. В конце концов Ллойд созналась. Даже в день казни она продолжала утверждать, что ею руководил дьявол. Остальным предъявили аналогичные обвинения и связали их действия с действиями Ллойда.

Шерин повернулась к Наоми:

– Их действительно похоронили на территории нашего кампуса? Или ты это придумала?

– Таково общее мнение, и я надеюсь это подтвердить. Рассчитываю зимой привезти георадар и поискать следы массового захоронения. Если подтвердится, постараюсь весной организовать раскопки... Это станет частью моей докторской диссертации по городской археологии.

– И это еще не всё, – добавил Тэг. – Их останки, если они будут обнаружены, заслуживают достойного погребения. Я читал, что их похоронили вместе с дневниками, в которых, как сообщается, содержались рецепты травяных отваров и зелий. Если книги сохранились достаточно хорошо, записи могут дать представление о тогдашнем фольклоре и медицине.

Шерин посмотрела на одного, потом на другую. Так вот в чем причина этого паломничества... У этих двоих поездка была определенно связана с их собственными особыми интересами.

«Но не с моими».

Глаза ее соседей горели энтузиазмом. А вот ей вовсе не хотелось искать и раскапывать давние захоронения или разгадывать тайны старинных лекарственных снадобий, заключенные в истлевших дневниках оклеветанных женщин. Шерин просто любила библиотеки с их запахом пыльных полок и легким смолистым шлейфом от кожаных переплетов. Но больше всего ее завораживали тайны, скрытые в выцветших чернилах. Поездка в Англию была главным образом связана с ее интересом к растущему архиву университета, где хранились древние тексты, некоторые из которых восходили к Темным векам⁷. Говорили, что многие из них украшены потрясающими иллюстрациями, веками не видевшими света. Именно последнее и было центром ее собственных академических интересов. Специализируясь на истории искусства, она хотела работать над диссертацией, посвященной средневековым иллюстрированным рукописям. Вот только определить точное направление поисков пока еще не получалось.

«Мне просто нужно найти правильный подход».

Найти этот подход Шерин и надеялась за время пребывания здесь. Год назад она прочитала, что благодаря новой программе университет Эксетера получил в дар редкие тексты, касающиеся магии и оккультизма – от алхимических трактатов до монашеских уставов, и даже

---

⁷ Здесь: аналог понятия «Раннее Средневековье» или же просто «Средневековье».

зашифрованные труды, которые еще предстоит расшифровать. Она знала, что где-то здесь, на этих стеллажах, должен быть ответ на вопрос, мучивший ее со дня окончания университета.

«Куда мне двигаться дальше в карьере... и в жизни?»

Ответ более приземленный и практический предложила Наоми.

– Нам пора возвращаться, – сказала она и ткнула Тэга локтем в бок. – Но мы же обещали показать нашей новой американской подруге, где в Эксетере подают лучший кофе...

– И пончики, – напомнила Шерин.

– Тогда... вперед! – Тэг взмахнул тростью, словно призывая к атаке. – В «Поганку»!

Шерин покачала головой, услышав прозвище популярного заведения, в действительности называвшегося «Жаба на табурете»⁸. Впрочем, учитывая его близость к мемориальной доске, установленной в память о ведьмах, и предмет выбранного ими курса, такое переименование представлялось вполне уместным.

Наоми обняла ее за талию:

– Давай-ка, прежде чем возвращаться в кампус, накачаем тебя кофеином и обеспечим порцией углеводов.

Отдав дань уважения четырем ведьмам, троица двинулось в путь. И тут, как назло, погода решила лишний раз доказать, что характер ее столь же переменчив, как и нрав отца Шерин: солнце спряталось, поднялся ветер, с реки накатил низкий вал облаков, принесший мелкий моросящий дождь. Пробираясь по лабиринту узких, вымощенных булыжником улиц, легко было представить, что за следующим поворотом таится провал в средневековое прошлое.

– До кафе рукой подать, – ободрил Шерин Тэг, пряча лицо от ветра и дождя. – И там не только отличный эспрессо, но и бариста – это что-то с чем-то.

– Тэг прав, – согласилась Наоми. – Я уже поймала себя на том, что, когда он за стойкой, оставляю непомерно щедрые чаевые.

Тем не менее, даже слыша такие заманчивые аргументы, Шерин подумывала о том, чтобы отказаться от этого пункта в их маршруте. Ее беспокоила погода. А еще раньше растрожила трагическая судьба четырех женщин, ставших жертвами средневековой охоты на ведьм. Она предпочла бы поскорее вернуться в университетскую библиотеку и укрыться от всех тревог среди стеллажей. После трудного детства, когда расстояние от опасности измерялось одной выпитой бутылкой, тишина библиотеки неизменно давала ей требуемую дозу покоя и тишины.

Книги всегда были ее убежищем.

Уже став взрослой, Шерин поняла, что это всего лишь еще один защитный механизм. Но зато он никогда ее не подводил. Даже теперь она находила утешение в безмолвии читального зала, в тихом шелесте страниц, в словах, переносящих в иные миры. Здесь она получала лекарство от приступов паники, которые нет-нет да и наваливались на нее.

И даже понимая, что побег в библиотеку – это только эмоциональный костыль и не более того, Шерин пришла к убеждению, что ее вера не напрасна.

«Ведь, если разобраться, какой вред может причинить книга?»

---

⁸ В оригинале эти два названия похожи по написанию и звучанию. «Поганка» – *англ.* toadstool, «жаба на табурете» – *англ.* toad on a stool.

2

29 октября, 11:04 утра по центральноевропейскому времени

Ларвик, Норвегия

Джейкоб Хауген отчаянно бился в ремнях, которыми его привязали к стальному стулу.

Нет, он пытался не освободиться, а всего лишь оторваться от тела жены. Даже когда ее поставили перед ним на колени, она не стала молить о пощаде и до последнего хранила молчание, твердо, не отводя глаз, смотрела на него. Ей перерезали горло, и кровь хлынула ему на колени.

После этого они швырнули ее тело к его ногам и продолжили рыскать по дому, оставив его наедине с той, которая жизнью заплатила за его молчание.

Ох, Элли...

В крови, струйками стекавшей из разбитого носа, ощущался привкус железа. Единственным утешением был грохот, доносившийся из разоряемой библиотеки. Книги стояли там на двух уровнях, и их сбрасывали на пол и торопливо просматривали.

«Опоздали, мерзавцы!» – мысленно выкрикнул Джейкоб, находя в этом крохи мстительного удовлетворения.

Не в силах видеть то, что лежало у ног, он перевел взгляд на высокие окна библиотеки. Окна сужались кверху, образуя готические стрельчатые арки, словно это место было собором, хранилищем знаний. Вот только в данном случае настоящим предназначением этой библиотеки было сокрытие среди множества книг одного-единственного тома. Джейкоб Хауген был Двенадцатым Хранителем, и его призвание заключалось в том, чтобы защищать книгу от тех, кто охотился за ней.

Он знал, что этот день станет для него последним. Впрочем, ему в любом случае осталось не так уж много. Диагноз был поставлен месяц назад. Рак поджелудочной железы, высокоагрессивная аденосквамозная карцинома. Четвертая стадия. Если повезет, он дотянет до Рождества, но вот Новый год уже точно не встретит.

И все же его убьет не рак...

Он снова рванулся, словно испытывая ремни на прочность, и устремил взгляд за окно – на буковый лес. Снег еще не выпал, и лесная подстилка напоминала багряный ковер из опавших листьев. Много-много дней они с Элли посвятили знакомству с огромным парком и изучению его; им обоим так нравилось отдыхать на берегу озера Фаррис, прогуливаться по тропе «Путь страсти»...

«Ничего этого больше уже не будет».

Зная, что конец близок, они обрели некую меру покоя, находя утешение в тихих мгновениях, горя и смеясь, и эти дни растянулись долгим, медленным прощанием. Они и не предполагали, что конец наступит так быстро и будет таким жестоким.

Тем не менее оба предприняли необходимые шаги – не только юридические и финансовые, но и по сохранению доверенного им сокровища.

Собравшись с духом, Джейкоб перевел взгляд на распростертое тело жены, лежащее в растекающейся по кафельному полу луже крови. Шок притупился; ярость же только разгорелась, подгоняя сердце, учащая дыхание и усиливая кровотечение из сломанного носа.

«Эти ублюдки, как они узнали? Кто нас предал?»

Джейкоб полагал, что принял все меры предосторожности при передаче книги Тринадцатому Хранителю; теперь это число казалось ему зловещим. На прошлой неделе он отправил том, спрятав его в ящиках с сотнями других текстов. В документах книга значилась как завещание умирающего историка, что было правдой. Как только груз достигнет Соединенного Королевства, его примет и обеспечит сохранность Тринадцатый Хранитель. Этот человек уже

нашел другую библиотеку, где драгоценный фолиант будет надежно сокрыт среди множества иных.

На протяжении веков такая передача – от одного Хранителя к другому – всегда считалась рискованным предприятием, чреватая угрозой возможного разоблачения. Что и подтвердилось сейчас.

Джейкоб понимал, что это означает.

«Нас кто-то предал. Возможно, кто-то внутри нашей собственной организации».

И все же, если они обыскивают дом, значит, предатель не знает о передаче книги, о том, что она отправлена в Англию. И не знает о ее пункте назначения. Только на это и оставалось надеяться.

«Они ни в коем случае не должны узнать, куда я ее отправил».

Она должна снова исчезнуть в истории.

Услышав голоса, Джейкоб повернулся к двери своего кабинета. В комнату вошел высокий мужчина, которого сопровождали двое других. Все трое были в темно-красных мантиях с капюшонами, черные складки которых скрывали лица.

Джейкоб хмуро посмотрел на них и сосредоточил внимание на человеке в центре, явно предводителе. Глаза незнакомца были черны, как изнанка его капюшона. Лицо, судя по тому немногому, что видел Джейкоб, было болезненно-бледным.

– Вы не найдете книгу алхимика, – сказал Джейкоб и сплюнул к ногам незнакомца сгусток кровавой слизи. – Она уже вне вашей досягаемости.

– Нет ничего, что находилось бы вне досягаемости Братства, – последовал ответ.

Предводитель сделал знак сопровождавшим его, и они бесцеремонно уволокли тело Элли. Ее рука, волочась по полу, оставляла кровавый след. Ярость полыхнула обжигающим пламенем. Гнев сдавил грудь и перехватил дыхание.

Обойдя лужу крови, незнакомец подошел к Джейкобу:

– Профессор Хауген, приношу свои извинения. Этого не случилось бы, если б я прибыл раньше. Мы не всегда прибегаем к столь грубым и жестоким методам.

Его глаза оставались холодными, голос – бесстрастным. Джейкобу показалось, что он уловил легкий французский акцент, но он допускал, что, возможно, ошибся.

Предводитель кивнул одному из своих спутников, державшему в руке стальной кейс. Тот подошел к соседнему столику с лампой и щелкнул замками. Джейкоб ожидал увидеть набор пыточных орудий, но на бархатной подложке лежали три шприца и несколько ампул.

– Сыворотки правды печально известны своей ненадежностью, – сказал незнакомец, наблюдая за тем, как его подручные готовят препараты. – По крайней мере, так было в прошлом. Современные разведывательные службы совершенствуют свои методы, ревниво их охраняя. Да, аналоги тиопентала и скополамина по-прежнему полезны, но одновременное добавление окситоцина и метамфетаминов гарантированно обеспечивает полное сотрудничество.

Наполнив шприцы, двое чужаков подошли к Джейкобу. Он вырывался и сопротивлялся, но они были сильнее и зафиксировали его руку. Первая игла... потом вторая... Третий укол он даже не почувствовал. К тому моменту в глазах потемнело, и голова упала, уткнувшись подбородком в грудь.

Проваливаясь в беспамятство, он услышал такие слова: «В сумерках тайну не сохранить».

Когда Джейкоб очнулся – по его ощущениям, через считанные секунды, – в комнате никого не было. Лес за окном погрузился во тьму, но в доме бушевало пламя. Горели полки и книги. Дым стоял густой стеной, и каждый вдох обжигал жаром легкие. Паника разогнала туман в голове. Он рванулся в последней безнадежной попытке, но сердце колотилось не из-за огня. Смерть и так уже шла за ним.

Его ужаснуло неизвестное.

«Что я им рассказал?»

Он ничего не помнил о допросе.

Глядя на расплзающееся пламя, Джейкоб вдруг понял, что уготованная ему смерть в огне – жестокий намек человека в алой мантии на то, что они добились от него правды.

Несколько недель назад, узнав о следующем месте укрытия книги, он едва не рассмеялся и даже поделился с Элли изречением одного уважаемого писателя: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии». И теперь, когда огонь и дым подступали к Джейкобу, он уже не сомневался: пламя послано ему как последнее сообщение. Особенно учитывая то, куда он отправил дневник алхимика.

Ведь в прошлом они сжигали там ведьм...

3

*31 октября, 16:15 по Гринвичу
Эксетер, графство Девон, Англия*

Время поджимало, но Шерин твердо решила не поддаваться спешке. Из-за праздника библиотека закрывалась раньше, так что у нее оставалось меньше часа.

«Я должна закончить...»

Оставшись одна в читальном зале старого библиотечного корпуса университета, она аккуратно поместила иллюстрированное издание под закрепленной на штативе цифровой камерой. Том представлял собой нарисованный вручную елизаветинский атлас с графствами Уэльса и Англии, созданный знаменитым британским картографом Кристофером Секстоном в 1579 году.

Шерин раскрыла атлас. Глядя через объектив, она видела изумрудные холмы, маслянисто-желтые границы графств, малиновые поселения. Попыталась представить руки иллюстратора.

– Вы впустую тратите время, – прозвучал голос у нее за спиной.

Вздвигнув от неожиданности, Шерин случайно сделала снимок, но при этом ребром ладони задела камеру, и изображение смазалось.

Досадливо вздохнув, она обернулась к студенту, незаметно вошедшему в зал и неслышно подошедшему к ней сзади. Дункан Максвелл занимался по той же программе, что и она, но состоял в другой группе, объединившей четырех выпускников Оксфорда. Четверо молодых мужчин, все из богатых семей и все высокого мнения о себе. Говорили, что Дункан на шестнадцатой позиции в очереди на британский престол.

Прямо сейчас он выглядел так, словно только что вернулся с охоты на лис: твидовый пиджак поверх канареечно-желтого жилета, замшевые ботинки и начищенные черные ботинки. Единственной чертой, нарушавшей классический образ, была небрежно-элегантная прическа и неизменная щетина, темной тенью лежавшая на лице и подчеркивавшая уверенность, проступавшую во взгляде холодных голубых глаз. Он смотрел на нее, слегка приподняв бровь, – то ли с любопытством, то ли с презрением.

Ей пришлось отвести взгляд.

«Как долго он здесь стоял?»

Шерин повернулась к атласу, который лежал на специальной подушке, чтобы не повредить корешок. В раскрытом положении страницы удерживались мягкими грузиками. На подготовку к фотографированию было потрачено полчаса, и это после пятидневного ожидания разрешения на получение редкой книги...

– Это не пустая трата времени, – отрезала она, сожалея, что ничего не может сделать с нехоты вспыхнувшими щеками. – И да, сотрудники библиотеки уже проинформировали меня о том, что копии атласа оцифрованы в лаборатории гуманитарных наук.

– В таком случае, мисс Карр, зачем фотографировать их самой? – Дункан говорил с твердым акцентом, и в звучании каждой согласной слышалась высокомерная снисходительность. И даже в его обращении к ней по фамилии Шерин послышался строгий тон школьного учителя, отчитывающего нерадивого ученика.

– Не все из нас выбирают легкие пути в погоне за стипендией. – Она хмуро посмотрела на него. – А вы-то зачем здесь? Библиотека скоро закроется.

Дункан поднял серый пакет, перевязанный архивной лентой.

– Пришел забрать заказ в отделе специальных коллекций. Мне кое-что прислали из Британской библиотеки. И тут я увидел, что вы работаете с...

– И вмешались.

– Я всего лишь пытался помочь, сделать как лучше. – Он вздохнул, и жесткие нотки в его голосе смягчились. – Заметил, что вы фотографируете том, который уже оцифрован; вот и подумал, что избавлю вас от ненужного труда.

Шерин, сглотнув, позволила себе чуточку расслабиться.

– Я работаю над заданием доктора Плинта – пишу эссе о пересечении средневековой науки и магии.

– Я тоже. Похоже, мы оба выбрали для изучения одну и ту же личность: астронома и алхимика Джона Ди.

Шерин посмотрела на него внимательнее:

– Откуда вы знаете, что я выбрала его для...

Дункан остановил ее, подняв руку:

– Люди любят поговорить. Особенно после пары пинт в «Баране».

Она печально покачала головой. «Баран» был студенческим пабом и управлялся университетом. Наоми и Тэг пару раз пытались заманить ее туда, но запах пролитого эля, громкий смех и пьяные возгласы отзывались не самыми приятными ассоциациями. Так что в «Баране» она побывала лишь однажды для участия вместе с группой в викторине. Увы, они проиграли команде Дункана, которая потом вела себя в пабе так, словно заведение принадлежало им. Позже, уже изрядно подвыпив, Дункан попытался загладить вину, угостив всех участников. Тэг прокомментировал эту щедрость после первого глотка: «Никогда еще „Гиннесс“ не был таким горьким».

– Так вы тоже работаете над статьей о Джоне Ди? – полюбопытствовала Шерин. Этот ученый-энциклопедист XVI века уже успел ее очаровать. Ди не только служил советником у королевы Елизаветы I, но также исполнял обязанности придворного астронома и математика. Помимо этого, он живо интересовался алхимией, прорицательством и астрологией. На пересечении науки и магии мало кто мог сравниться с ним в приверженности этому делу. – И какой же у вас подход к заданию?

Дункан подошел на шаг ближе.

– Я изучаю науку шифрования и использования шифров как для сокрытия, так и для усиления мистицизма оккультных знаний. Говорят, у Ди была копия манускрипта Войнича со всякими странными рисунками и непонятным языком. Хотя этот факт остается спорным, достоверно известно, что он владел копией «Книги Сойги», латинского текста о магии шестнадцатого века, большие части которого до сих пор остаются глубоко зашифрованными. В коллекции Британской библиотеки находится одна из всего двух сохранившихся копий этого мистического труда.

Шерин посмотрела на пакет в руке Дункана:

– И вам ее выдали?

– Мне? Вот уж нет. Но прислали фотографии нескольких важных страниц. Криптография всегда меня интересовала. Степень бакалавра в Оксфорде я получил, занимаясь разработкой кибербезопасности и защиты информации. Специализировался на искусственном интеллекте и цифровом шифровании.

Шерин недоуменно наморщила лоб:

– Имея такую степень, зачем вам поступать на эту программу?

Дункан фыркнул, и в этом звуке прозвучала горькая нотка:

– Мой отец – он работает в банковской сфере – задавал тот же вопрос. Ему, конечно, больше нравилась практическая сторона моих оксфордских занятий. – Он пожал плечами. – А когда узнал о моей заявке в аспирантуру, пригрозил лишиться наследства. И, не исключено, так и сделает.

Это Шерин могла понять – ее мать говорила примерно то же самое.

– И все же вы приехали сюда. Почему?

Дункан взглянул на часы на стене:

– Длинная история. Слишком длинная, чтобы излагать ее сейчас. Как вы уже сказали, библиотека скоро закроется.

Шерин состроила гримасу, понимая, что в ее распоряжении в лучшем случае осталось минут пятнадцать, и вернулась к камере и раскрытой книге. Осторожно касаясь страниц тщательно вымытыми пальцами, она поправила их положение. В отличие от многих учреждений, в Старой библиотеке перчатки были запрещены на том основании, что они ослабляют тактильное ощущение и таким образом причиняют вреда больше, чем предотвращают.

Странно, но Дункан не отошел от нее, а подался еще ближе.

– Я в недоумении, – тихо сказал он. – Как атлас Секстона связан с вашим эссе о Джоне Ди?

Она взглянула на него через плечо и обнаружила, что он стоит слишком близко и, при росте в шесть футов два дюйма, заметно возвышается над ней. Прежде чем ответить, ей пришлось сглотнуть.

– В последние годы жизни Ди стал смотрителем церкви Христа в Манчестере. В период службы он поручил Секстону провести съемку границ церковного прихода. Копии той работы не сохранились, но этот рукописный атлас Секстона включает в себя район Манчестера. – Она указала на разворот страниц. – Поэтому я и хотела сфотографировать их сама, чтобы использовать как замену утраченной работе Ди.

– Понятно. Но какое отношение это имеет к вашей диссертации?

Не отрываясь от дела, Шерин попыталась объяснить:

– Хотя Ди увлекался оккультизмом – даже верил, что может общаться с ангелами, – он был глубоко верующим католиком. Вся его эзотерическая работа, часть которой можно считать демонической, всегда имела католический уклон. Моя задача – рассмотреть слияние искусства, астрономии и религиозности в трудах Ди.

– С какой целью?

– Чтобы доказать, что границы между оккультизмом, религией и наукой размыты более чем когда-либо. Как в прошлом, так и сейчас.

– И истина где-то в трещинах между ними...

Шерин спрятала улыбку.

«Именно так».

Дункан указал на стол, где лежала цепочка с потускневшей подвеской. Шерин сняла ее вместе с парой колец, прежде чем браться за книгу.

– Вижу, у вас медальон святого Христофора... Вы сами – католичка?

– Вообще-то медальон принадлежал моему отцу. Он был полицейским. Погиб при исполнении служебных обязанностей – разбился во время автомобильной погони.

– Соболезную, – прошептал Дункан.

– Это было четыре года назад, – пробормотала Шерин, словно время могло уменьшить боль.

Прикрыв медальон ладонью, она опустила его в карман джинсов. Шерин и сама не понимала, почему рассказала об этом. Впрочем, одну важную деталь она все же скрыла – возможно, по причине стыда. Уровень алкоголя в крови отца был 0,06 процента. И хотя это считалось допустимой нормой, угонщик воспользовался данным фактом и подал в суд на город и ее семью. Профсоюз оказал помощь, они получили страховку, но после судебного решения семья все равно была отброшена в нищету. Именно тогда мать резко ударилась в веру, от которой когда-то отказалась.

Шерин, ожесточившаяся и злая, пойти тем же путем не могла. Даже по прошествии времени она не смогла примириться с отцом и принять его смерть как данность. Его алкоголизм был медленной деградацией – от любящего родителя до чудовища, присутствие которого она

ощущала всю жизнь. Даже в самые тяжелые времена, когда ее будили его крики и когда он носился по дому, словно разъяренный бык, оставались моменты нежности и заботы. Когда Шерин была подростком, отец часто водил ее в тир, где строгие инструкции смягчались юмором и похвалой. Он также записал ее на уроки самообороны и боевых искусств, и она получила коричневый пояс по джиу-джитсу. К сожалению, ей не хватило времени получить черный пояс до смерти отца, а после этого занятия стали слишком дорогими.

Хотя ей нравилось принимать вызовы и преодолевать трудности, в глубине души Шерин догадывалась, почему отец поощряет эти ее занятия. Он не только хотел подготовить дочь к жестокости окружающего мира, но, возможно, и к защите от него самого. Бывало, когда она бросала противника на мат, он улыбался и кивал, но в его глазах оставалась тень тревоги.

Во время его пьяных выходок Шерин получала немалую порцию словесных оскорблений, но до физического насилия дело не доходило никогда. Зато ее матери доставалось по полной. Синяки под глазами, ушибы, сломанные пальцы... И все же она подозревала, что отец боялся, что его гнев однажды обрушится на дочь, и, возможно – сознательно или нет, – хотел дать ей средства для самозащиты.

После его смерти вопрос так и остался без ответа. Кем был ее отец – алкоголиком, чудовищем, наводившим ужас на их дом, или же человеком, который болел за нее на соревнованиях по легкой атлетике и так явно ее любил?

Шерин вспомнила слова Дункана, сказанные минуту назад, и поняла, что они применимы и к ее случаю: истина где-то в трещинах...

Она сделала последние несколько снимков атласа и выпрямилась.

– Думаю, достаточно.

Как раз в этот момент дверь в читальный зал распахнулась, и в зал заглянула библиотекарь с информационного столика, пожилая женщина с тугим пучком седых волос и очками для чтения на цепочке.

– Мы закроемся через пять минут. Все материалы необходимо вернуть в хранилища.

– Я закончила, – сказала Шерин. – Сейчас все приберу и положу атлас в коробку.

Женщина кивнула и скрылась за дверью.

– Могу помочь, – предложил Дункан.

– Не нужно. Я справлюсь.

– Очень хорошо. – Он сделал шаг к двери, но обернулся: – Вы идете на вечеринку по случаю Хэллоуина в «Лемми»?

– Боюсь, что нет. – «Лемми» – прозвище ночного клуба «Лимонная роща» – планировал грандиозную вечеринку. – Билеты туда довольно дорогие.

– У меня есть пара лишних, если хотите.

Она покачала головой:

– Мы с друзьями уже спланировали пойти в «Форум». Там по крайней мере вход бесплатный.

Шерин жила в рамках строгого бюджета, но, по правде говоря, ей в любом случае не очень хотелось куда-то идти. Вечеринка в студенческом центре была открытая и, следовательно, обещала быть шумной. К сожалению, ей так и не удалось отбиться от настойчивых уговоров соседей.

– Ну что ж... – Дункан похлопал себя по карманам, вынул комплект черных билетов с алым штампом – логотипом «Лимонной рощи» – и бросил их на стол. – Для вас и ваших друзей... если передумаете.

Она даже не потянулась к ним.

– Надеюсь увидеть вас там, – добавил он, направляясь к выходу.

Шерин подняла руку, но смогла произнести только что-то невнятное. Она не собиралась никуда идти и вообще планировала, если получится, лечь спать пораньше.

«Если, конечно, Тэг и Наоми такое допустят».
И «если» тут было очень и очень весомое.

4

17:02

После того как Дункан ушел, Шерин аккуратно подняла атлас Секстона с подушки и положила в коробку для хранения с особой бескислотной атмосферой. Потом собрала свои вещи, закинула на плечо рюкзак, подхватила на руки тяжелую коробку и, держа ее перед собой, словно поднос с чаем, вышла из читального зала.

Библиотекарша, заметив, как Шерин борется с дверью, поспешила на помощь, а когда девушка вышла, тронула ее за руку.

– Сегодня я здесь последняя. Вы не могли бы помочь мне отнести коробку в хранилище? Я вас провожу.

Шерин поняла, в чем дело. Атлас Секстона, вещь довольно громоздкая, весил почти двадцать фунтов⁹. Пожилой хрупкой женщине, пусть и выглядевшей опрятной и подтянутой, наверняка было бы трудно справиться с такой ношей.

– Конечно... – Шерин бросила взгляд на ее бейджик, – миз¹⁰ Пил. С удовольствием.

– Спасибо, дорогая.

Вообще-то уговаривать Шерин не пришлось бы. Ей всегда хотелось заглянуть в одно из многочисленных библиотечных хранилищ. В этих помещениях с климат-контролем находились самые ценные и редкие коллекции. На протяжении нескольких последних недель Шерин изучала каталоги и получала возможность познакомиться с материалами, которые были недоступны в Штатах.

Она провела немало времени, изучая библиотечную коллекцию Сайонского аббатства, включающую редкие книги и рукописи, собранные основанным в XV веке монашеским орденом. В богато иллюстрированных книгах часто встречались позолоченные изображения Девы Марии. На нескольких страницах Шерин с удивлением обнаружила зеркальное письмо – текст, написанный задом наперед. Такое письмо использовалось и как примитивный способ шифрования, и для того, чтобы подвигнуть читателя внимательнее отнестись к содержанию написанного.

Она вспомнила, что и Дункан упоминал шифрование как тему своей работы.

«Может, стоит рассказать ему о находке?»

А может, и не стоит... Она еще не забыла, как он торжествующе стучал себя в грудь, когда его команда победила в викторине.

Отбросив неуместные мысли, Шерин последовала за миз Пил, которая, прежде чем направиться в хранилище, заперла на ключ входные двери. Стояла глубокая осень, и солнце уже село. В сумеречном парке зажглись фонари. Кто-то торопливо шагал по дорожке, кто-то промчался на велосипеде. Люди спешили – в кампусе начинались празднества.

Сама библиотека уже опустела, и лишь кое-где в помещениях горел свет. Судя по всему, персонал покидал рабочие места в спешке. Скользя взглядом по темным рядам стеллажей, Шерин не заметила ни малейших признаков активности.

Она невольно поежилась. Ночь всегда таила в себе страх. Не суеверный, а связанный с реальной опасностью: стук в дверь в темноте, тяжелые шаги, невнятные претензии и обвинения, пронзительный крик жертвы...

Словно защищаясь от неведомой опасности, Шерин прижала к себе коробку. Но легче не стало – они как раз проходили мимо стенда с экспозицией, посвященной Агате Кристи. Среди представленных экземпляров библиотечной коллекции были письма и ранние черновики про-

---

⁹ 9 кг.

¹⁰ Нейтральное вежливое обращение к женщине без учета ее возраста и семейного положения.

изведений королевы детективов, историй, в которых убийство всегда рядом, всего лишь в шаге или за ближайшим углом.

И все же, наблюдая за миз Пил, Шерин перенимала ее спокойствие. Пожилая библиотекарша держалась уверенно и не выказывала ни малейшей тревоги.

– Хранилище редких книг – туда, – сказала она, когда они вышли из главного зала.

– Здесь кто-то остается после закрытия? – спросила Шерин, стараясь не отставать. – Есть ночной сторож?

Миз Пил обернулась и посмотрела на нее поверх очков.

– Это не Британский музей, юная леди. Здание, конечно, оснащено сигнализацией, и здесь есть камеры видеонаблюдения. Кроме того, служба безопасности кампуса регулярно проверяет двери. – Она улыбнулась. – Вы же не планируете нас обокрасть, мисс?

– Только не в Хэллоуин. Не хотелось бы побеспокоить призраков.

– Мудро. Тем более что Эксетер – самый посещаемый призраками город во всем Соединенном Королевстве.

– Правда?

– По крайней мере, так говорят. В любом случае вам лучше не настраивать это место против себя.

– Я постараюсь.

Они подошли к двери со сделанной трафаретом надписью «Редкие книги». Миз Пил достала ключ-карту и приложила ее к светящемуся замку. Замок исполнил короткую мелодию, засовы едва слышно прошуршали и...

За дверью послышался приглушенный грохот. Шерин отшатнулась, уже приготовившись к быстрому отступлению, но миз Пил рывком распахнула дверь.

Вспыхнул свет. Шерин на мгновение зажмурилась, но пожилая библиотекарша решительно переступила порог.

– Почему мне никто не сказал, что вы здесь? – строго выпалила она.

Шерин последовала за ней. В крови уже гудел адреналин, грудь сдавило. За годы жизни под одной крышей с алкоголиком организм выработал молниеносную реакцию на любую угрозу – бей или беги.

– Вы обязаны отмечаться при входе и выходе, – делала внушение кому-то миз Пил. – Уж вам-то это должно быть известно. Да, когда-то вы были директором библиотеки, но это не дает вам права нарушать установленные правила.

– Прошу принять мои глубочайшие извинения. – Голос донесся из-за груды деревянных ящиков, один из которых, по всей видимости, свалился и теперь лежал разбитым на полу. Недавний грохот и был, вероятно, результатом его падения. Рядом с ним на полу лежал небольшой ломик. – Думал, что не задержусь и пробуду здесь лишь несколько минут...

Склонившийся над разбитым ящиком высокий седоволосый мужчина с седой же бородой выпрямился и откинул со лба влажную от пота прядку. Он был в белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Пиджак висел на ближайшей тележке. Отряхнув руки, мужчина подошел поздороваться.

– Я ведь могла запереть вас здесь на всю ночь, – пожурела его миз Пил и кивком указала на Шерин. – Если б студентка не взяла атлас Секстона, я и не узнала бы, что здесь кто-то есть.

– Не беспокойтесь, ключи от здания всё еще у меня. В случае чего я вышел бы сам.

– Все равно вы должны были предупредить меня.

– Конечно. Непростительное упущение с моей стороны.

Он подошел, обнял миз Пил, и ее недовольная гримаса растаяла в мягкой улыбке. Очевидно, они были хорошо знакомы. Освободившись из объятий, она погрозила ему пальцем:

– Но больше так не делайте.

– Никогда – обещаю вам, моя дорогая миз Пил. – Мужчина повернулся к Шерин. – Мисс Карр, если не ошибаюсь?

«Бывший директор библиотеки знает мое имя?» Потрясенная, Шерин не нашлась, что ответить, и лишь пробормотала что-то невнятное.

Он подошел ближе, забрал у нее коробку с атласом и поставил на ближайшую тележку.

– Я помню вашу заявку на нашу магистерскую программу по магии и оккультным наукам. Мы не были официально представлены. Я – профессор Джулиан Райт. – Он протянул руку, которую она машинально пожала.

– Вы руководите этой программой в Эксетере...

– Так и есть. И следующей весной буду вести курс по палеографии.

Шерин кивнула. Ей уже не терпелось поговорить на эту тему. Палеография, изучение древних систем письма, охватывает широкий круг вопросов – от расшифровки языков до датировки текстов – и, в частности, занимается историей иллюстрированных рукописей, что особенно ее интересовало.

Поговорить не получилось – вмешалась миз Пил.

– Слышала, сегодня утром была доставка... – Окинув взглядом ящики, она уставилась на разбитый. – Книги, переданные в дар.

– Эти книги переданы нам по завещанию, – поправил ее Райт и посмотрел на ящик; в его глазах, как показалось Шерин, повисла дымка печали. – От моего друга и коллеги. Я хотел, чтобы их поскорее каталогизировали, и распорядился доставить ящики в хранилище редких книг. Зашел за накладной, чтобы просмотреть потом в кабинете. Думал, на минутку, но...

Шерин взглянула на ломик на полу.

– Вы пришли не только за этим, – тоном обвинителя заявила миз Пил.

– Да. Просматривая список, я обратил внимание на несколько чрезвычайно редких книг и решил отложить их до того, как мы привлечем архивариусов для каталогизации коллекции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.